

— Вова? Волошанька, Восинька, Воша... Что ты мелешь? Какие лагеря? Какая ссылка?

Таня Друбич повторяла текст. Раз, другой, третий... И он начинал звучать все естественнее, и к моменту съемки перед камерой Юрия Клименко сидела Александра, безумно влюбленная в своего Вошеньку, Волошаньку, Восиньку, она лепетала-пела это имя и весь короткий по сути монолог. Друбич—Александра уже жила во всепоглощающем мире любви.

«Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви...» — так пока называется новый фильм Сергея Соловьева, где Татьяна Друбич играет главную роль.

Фрагмент этот — как осколок большого зеркала. В нем отражаются многие темы, завязанные в сценарии в крепкий узел. Здесь целые пласты, исторические, социальные, культурные. «Ссылки, лагеря» — аллюзии 37-го. Мелькнут в картине Сталин, Поскребышев, что воспримется на первый взгляд как дань времени. Будут упомянуты белогвардейцы. Мальчик Митя Лобанов окажется отпрыском старинного дворянского рода, один его прадед — инженер-адмирал, другой — белогвардеец, ныне миллионер, одиноко умирающий в Париже. Современные реалии — дети перестройки и их родители — жертвы застоя и т. д. Коктейль тем, жанров. И жаргон. Это еще более, чем в «Ассе», лихая игра в реальность, где реальность отдает фантазмагорией, где романтизм спаян с ерничеством.

Где взбивает этот «коктейль» под названием «Черная роза... Красная роза» режиссер Сергей Соловьев?

Здесь, в районе старого Арбата, Собачьей площадки, и происходят съемки. И можно наблюдать за рождением знаменитой соловьевской атмосферы в кадре.

— Танечка, поступай на Высшие режиссерские, ты так мне замечательно все подсказываешь...

— Ты будешь делать, как я тебе говорю? — Соловьев чуть ногами не топал...

— Танечка, Танюша, молодец. Прекрасно, прекрасно...

К Друбич подходит с обычными мерками рискованно. В разговорах часто слышишь, будто взвешивают: актриса — не актриса. Не актриса в привычном смысле слова — без профессионального образования, играет не по системе Станиславского. Не играет тоже не по системе. А когда начинает играть, как другие, — неважно это получается (скажем, как в «Десяти негрятках»). Она действительно сильно отличается от большинства современных актрис, равно хороших и плохих.

Итак, «не актриса», но сыграла уже около десяти главных ролей, осуществляя замыслы Сергея Соловьева, Романа Балаяна, Ивана Дыховичного... Она была необходима им в фильмах: «Сто дней после детства», «Спасатель», «Избранные», «Храни меня, мой талисман», «Черный монах»... Именно в этих ролях проявилось то, что можно было бы обозначить как «феномен Друбич»: образ, однажды найденный, постоянно развивается из картины в картину и, переплываясь, остается узнаваемым.

Еще несколько лет назад, сразу после «Избранных», Леонид Филатов очень точно определил актерское своеобразие Друбич: «Она воплощает собой легенду, миф. Она естественна в жизни, естественна на экране. И показатель целиности характера — это тоже прекрасно. Но для нее необходимо существование кинематографического мифа, и оптимальный вариант создания такого мифа — у Сергея Соловьева...»

И действительно, нашла Таню Инна Туманян, сняв ее в «Пятнадцатой весне» семнадцать

лет назад, но эта роль не стала открытием нового имени. Были и потом роли, правда, эпизодические — в «Смятении чувств», «Особо опасны», могли быть подобные им, оставляющие ощущение естественности, достоверности и не более. И продолжай сниматься Друбич в фильмах такого плана, возможно, она со временем и стала бы чувствовать себя увереннее, самостоятельнее, возможно, и поступила бы во ВГИК на актерский и стала бы тогда, вероятнее всего, обыкновенной средней актрисой, которая и играла бы чуть более, чуть менее удачные роли в текущем репертуаре... Однако все те роли, сыгранные и несыгранные, идут по касательной, не раскрывая того, что удалось сделать Соловьеву, Калашникову, Кусаковой в «Ста днях...». Не случайно фильм запомнился

Ее хранящий талисман

Соб. кривичуря. - 1988. - 15 сер. - С. 4.

многим как дебют Друбич в кино. То не было просто удачным соответствием внешних данных живописному стилю соловьевской картины.

На экране был тот самый гадкий утенок редкой породы. Героиня Друбич — Лена Ерголина — переживала момент превращения. Поначалу сравнение кажется достаточно условным — ее Ерголина выделялась как раз избалованностью, сознанием своей красоты, что, впрочем, скрадывалось мягкостью и обаянием. И все же еще не превратившемуся в лебедя утенку сопутствует некая сокрытая от него и от других тайна. Лену Ерголину выдавали глаза: в них сквозила еле уловимая тревога. Задумчивый, внимательный взгляд, печальный, серьезный.

Позже Сергей Соловьев отметит удивившую его пронизательность Тани. Она сыграла свою роль так, как он ее видел. Как круги по воде разойдется по картине состояние ее героини, переживающей взросление души — то, о чем и снимал Соловьев «Сто дней после детства».

Портрет девочки в венке из пестрых полевых цветов, читающей французский роман «Письмо о любви», стал как бы визитной карточкой фильма, режиссер которого поначалу и смотреть-то на Таню не хотел, не то что снимать. Та же история повторилась потом с ролью Веденеевой в «Спасателе», с той лишь разницей, что эта роль, видимо, подсознательно писалась на Таню: читая сценарий и зная Таню, слышишь ее голос, ее интонации... И Таня сыграла эту роль. Она становилась необходимой Соловьеву.

Позднее, сняв еще «Наследницу по прямой», «Избранных», он так и скажет: «...Стремительно на глазах у всех рос ее профессионализм. Обогащалась и усложнялась актерская техника. Но главным, отчего на протяжении всего этого времени она продолжала оставаться мне необходимой как исполнительница главных ролей во всех тех картинах, по-прежнему оставалось одно: она понимала то, о чем я хочу говорить. А это уже безошибочно диктует все остальное: манеру поведения, интонационный строй фразы, эмоциональную точность актерского существования».

Студентка мединститута Таня Друбич играла студентку мединститута Асю Веденееву, были еще кое-какие биографические совпадения, но они не исчерпывали роли. Здесь нужен был психологический рисунок, одной пластикой не обойтись. Нужно было играть — это стало испытанием на профессионализм.

Ася как бы подкрепила несколько романтическое амплу лирической героини Друбич. Поиски себя, отстаивание независимости, своей личной свободы, раскрепощение души. С этой ролью связан еще один очень важный момент: Друбич, как часто бывает в актерской жизни, стали отождествлять с ее героинями. И она заняла особое место в нашем кино. Она как бы олицетворяла женственность, одухотворенную красоту... Ольга в «Избранных» — вневременной

идеал вечной женственности, через любовь она пытается спасти мир, подарив ему гармонию, покой. После «Избранных» лирическая героиня Друбич была востребована наиболее полно в картине «Храни меня, мой талисман» Р. Балаяна и позже — в экранизации чеховского «Черного монаха» — «посттарковское кино» у Ивана Дыховичного, но открытия эта роль ей не принесла.

Виток за витком — «Сто дней...», «Спасатель», «Наследница» — Соловьев выстраивал триптих (многие прибавляют к нему и «Чужую белую...») о детстве-юности поколения 70-х.

Сергей Соловьев владеет артистизмом исповеди. И ему нужна была актриса — не актриса (поначалу это было даже не важно), которая смогла бы свободно войти в мир, сотворенный режиссером, и, растворившись в нем, передать эту исповедь. В мир «Ста дней...» — мир розово-голубых акварельных тонов войти было легко, в нем были лишь едва различимы изысканные ностальгические нотки. И во многом благодаря образу Ерголиной соединялись размышления о вечном и мгновенном.

Какие только имена не мерцали в картинах, вызывая отдаленные ассоциации с героинями Друбич: Соловьев вводил в художественную ткань своих произведений образы Джоконды, Анны Карениной. Критика отмечала сходство героини «Спасателя» с классически чистыми и возвышенными чертами портретов кисти Боттичелли. Коснулась Друбич и легкая тень Натальи Гончаровой в фильме «Храни меня, мой талисман».

А вот в кичевой стихии «Ассы» Друбич приходится трудно. Слишком довлеет сложившийся образ, романтический, возвышенный. Быть может, дело и в стереотипе восприятия, но пока в «Ассе» остается ощущение отторжения чужеродного материала. Аристократизм и кич сплавляются с трудом.

Сергей Соловьев продолжает свои поиски в «Игровом пространстве Параллельной Реальности» — так он это определяет. И Таня, играя главную роль в новом фильме, помогает ему в этом. Работы над «Черной розой...» в самом разгаре.

В переулке Воеводина царит обычная атмосфера съемок, где смещается реальность, путаясь с нереальностью.

В небольшой сравнительно комнате у стены — пианино, и на него энергично, деловито взбирается довольно крупный мужчина в спецовке, достает гвоздь и начинает вбивать его в стену топором. Эта картинка на втором плане, на первом — сидит Соловьев у стола в центре комнаты и, сотрясаясь от смеха, рассказывает гостю, пришедшей на съемки, о молодежном жаргоне. Звучит примерно так: «Вчера с жабой сканали в «Бревно», хотели взять слушно, но воздуха не хватило...» (перевод — «Вчера с девушкой были в «Березке...»). Прислонившись к печке, сняв с головы белый тонкий платок, соломенную шляпу, наушники от

японского «Вокмена», в черном комбинезоне, в рокеровских браслетах сидела Александра — Татьяна Друбич.

— Внимание. Мотор!

...Александра била по клавишам, симпатично-флегматичный Митя старался попасть ей в такт. Александра, паясничая, пела: «Ах, черная роза — эмблема печали... Но! Красная роза — эмблема любви!!!».

В перерыве между съемками с Таней знакомился начинающий режиссер, он просил ее сыграть главную роль в своей небольшой картине. Таня спрашивала, что за роль — «Я ведь не все могу». Выслушав, взяла сценарий.

Н. ПАБАУСКАЯ.

Фото В. Плотникова.